

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

УДК: 94(44) «653»

Т. И. Зайцева

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА И ГЕНДЕР В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ НОВОЕВРОПЕЙСКОГО ГЕНДЕРНОГО КОДА

Предпринята попытка реконструкции истоков гендерного поведения французской правящей элиты раннего Нового времени. На основании материалов, накопленных в современной медиевистике, автор выделяет ряд характерных для эпохи Средневековья и закрепившихся в перспективе длительного времени моментов, связанных с матримониальными практиками в среде элиты, социальным статусом полов и имеющимися у них властными ресурсами, поведением правителей и их окружения в частной (интимной) сфере.

Ключевые слова: *современная медиевистика, Франция в средние века, правящая элита, гендерные отношения, символические «капиталы», поведенческие установки.*

В современной медиевистике много внимания уделяется как особой социальной роли, которую играл для средневековой цивилизации двор правителя, так и находящейся в придворном пространстве правящей элите, образцы поведения которой нередко становились общекультурной нормой. Как было показано, обращение к этой социальной группе проливает дополнительный свет на ценностные ориентиры средневекового общества в целом (см. об этом, напр.: [1, с. 230]). Цель данной публикации – опираясь на имеющиеся в исторической литературе наработки, выявить некоторые исходные установки, «коды» гендерного поведения, присущие правящей элите Франции в эпоху Средневековья и закрепившиеся в национальной традиции в перспективе длительного времени.

Гендерные отношения находились в центре политической жизни Средневековья, и к ним вынуждены обращаться даже исследователи, специально не занимающиеся женской проблематикой. Интересные материалы по рассматриваемой теме содержатся в ставших классическими и прочно завоевавших симпатии российских читателей монографиях французских историков (Ф. Лота, Р. Фавтье, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа и др.), а также в исследованиях работающих в русле «новой политической истории» отечественных франковедов (в том числе Ю. П. Малинина, Н. А. Хачатурян, С. К. Цатуровой, О. И. Тогоевой). Собственно гендерные аспекты европейской средневековой истории находят освещение в выходящем под редакцией Л. П. Репиной и А. Г. Суприянович альманахе «Адам и Ева».

Посмотрим, какая картина вырисовывается на их основе.

Как отмечает Ж. Дюби, во французском государстве раннего Средневековья (конец X–XI вв.) в силу специфики исторической ситуации сферы публичного и домашнего оказались тесно связаны, последняя даже в какой-то мере преобладала. Наметившийся в связи с ослаблением центральной власти уход крупных феодалов от королевского двора способствовал тому, что последний замкнулся на время в домашних пределах. Сужение круга придворных привело к усилению внимания к матримониальным делам; при дворе решались в первую очередь вопросы передачи по наследству земель, сроки рождения сыновей и прочее [2, с. 153]¹.

Власть была по преимуществу мужской, связанной с военной функцией и ленным правом суверена. Но женщины выступали в политическом пространстве как важные посредники, медиаторы. Поиск знатных невест и борьба за наследниц были одним из основных стержней, вокруг которого концентрировалась политика. В браке осуществлялась передача матерями детям своей благородной крови, с которой смешивалась кровь их высокородивших отцов [2, с. 10–11]. Поэтому особую роль приобретало происхождение женщины – конечно, наряду с передаваемыми через нее правами на власть и ее имущественными (в первую очередь земельными) правами. Территориальные владения, властные права, знатность происхождения женщины («кровь») в их меняющемся соотношении сливались воедино.

¹ Речь идет о выделяемой исследователями предварительной, так называемой патримониальной фазе развития дворцового правления. На этом этапе происходило конституирование династии, формирующее вместе с клиентелой и вассалами некую общность вокруг главы этой семьи. Последний какое-то время по необходимости был озабочен не столько проблемой завоевания политической власти, сколько тем, чтобы консолидировать династию и утвердить ее преимущественную позицию среди других семейств. См.: [1, с. 231].

Дядю последнего Каролинга, Карла Лотарингского, претендующего на корону, не допустили к трону, в том числе, из-за заключенного им неравного брака: Карл был женат на дочери подвассала будущего родоначальника новой династии Гуго Капета (989–996). Именно в связи с этим Капет взшел на престол. Реймский архиепископ Адальберон, сыгравший не последнюю роль в его выдвижении, риторически спрашивал в своей речи на ассамблее перед герцогами: «Какими достоинствами обладает Карл... который потерял голову настолько, что посмел... жениться на неровне, женщине из сословия вассалов?», «Как могущественный герцог стерпит, что женщина из семьи его слуг станет королевой и будет властвовать над ним?» (цит. по: [3, с. 167]).

Женами Капетингов становились дочери, сестры, бывшие жены правителей крупных земельных анклавов, представителей знатных родов. Для утверждения законности власти и преемственности династий первые Капетинги особенно стремились заключить брак с женщинами из рода Каролингов. Так, женой самого Гуго Капета стала сестра герцога Аквитании Аделаида де Пуату, являвшаяся потомком Карла Великого, что явилось важным аргументом в борьбе против Карла Лотарингского. Одна из жен сына и наследника Гуго Капета Роберта II Благочестивого (996–1031), происходившая из рода графов Анжуйских, также была причастна к Каролингам. Это обстоятельство не утратило свою важность в течение всей последующей средневековой истории Франции и неоднократно всплывает в источниках¹.

Нередкими были повторные браки королей, причем далеко не всегда после смерти первых супругов. Капетингам случалось даже подвергаться церковному осуждению, заключая новый брак. Причиной этого нередко становилось отсутствие наследников. Например, у Роберта II было три жены, с двумя из которых он расторгнул союз, и только в последнем браке родились дети мужского пола. Мужская гендерная идентичность в традиционном обществе не в последнюю очередь была связана с престижностью статуса женатого человека и отца; в случае несоответствия должному вступали в силу механизмы общественного давления. Французские средневековые правители постоянно ощущали необходимость обеспечения стабильности своей власти посредством наличия наследников мужского пола, что и отражалось в чередности и характере заключаемых ими браков.

Однако разводы французских суверенов могли быть и не связанными с династическими пробле-

мами. И Ж. Дюби и Р. Фавтье утверждают, что первым Капетингам был присущ «грех женолюбия», выливавшийся в экстраординарные по церковным нормам брачные союзы. Речь идет о том же Роберте II, второй брак которого был заключен вопреки династическим нормам в результате вспыхнувшей у короля страсти, а также о вызвавшем особенно громкий скандал похищении Филиппом I (1060–1108) жены одного из крупных феодалов Бертранды де Монфор. Первый муж Бертранды был жив, как и первая жена самого короля, – поэтому этот брак вызвал сильное возмущение римской церкви и даже единственное в истории французской короны отлучение правителя. Однако король несколько лет мирился с этой ситуацией, пока не смог наконец урегулировать ее [2, с. 31, 141–142, 148–149; 4, с. 72]

С другой стороны, несмотря на упоминавшийся «грех женолюбия», историки отмечают факт относительной редкости внебрачных связей французских правителей, причем это оказывается характерным не только для X–XI вв., но и вплоть до конца правления Капетингской династии [2, с. 349; 4, с. 75]. Не встречается также данных о необходимости уже в эту эпоху контроля сексуального поведения окружающих правителя женщин. Последнее можно, по-видимому, объяснить тем, что в ранне-средневековый период женская свобода не была еще в достаточной мере выражена – как это произойдет позднее, – чтобы данная проблема заняла в социальном дискурсе сколько-нибудь заметное место.

Женщины-правительницы эпохи раннего Средневековья не только выступали в качестве посредников-медиаторов в матримониальной сфере, но и имели свои рычаги и формы влияния на политику. Так, мать Филиппа I, Анна Русская, после смерти мужа девять лет была регентшей при несовершеннолетнем сыне и утратила это право только вместе со вторым замужеством. Жена Филиппа Бертранда де Монфор долгое время играла хотя и негласную, но весьма активную политическую роль. Интриги Бертранды и попытки отстранения от власти пасынка – наследника престола – спровоцировали напряженные отношения последнего с отцом [4, с. 74].

Однако во Франции оказался незадействованным другой ресурс, открывающий для женщины достаточно широкие политические возможности. Важной чертой личностной идентичности средневековых правительниц еще с эпохи франков являлась религиозность (стоит вспомнить фигуры королев-святых Клотильды и Радегунды). Была присуща

¹ Ф. Лот приводит такой факт: уже в XVII в., когда необходимость утверждать законность династии давно ушла в прошлое, придворные историки все еще подсчитывали, через скольких женщин Капетинги и их родственники были связаны со «второй» французской династией (на тот момент таковых оказалось не менее полутора десятка). См.: [3, с. 248].

она и женам первых Капетингов. Известно, например, что первая жена Филиппа I Берта, оставшаяся долгое время бездетной, много молилась – именно за это, как полагали ее современники, она и была в итоге вознаграждена наследником. Но фигур, отличавшихся столь выдающимся благочестием, чтобы быть причисленным к святым, среди французских королей этого периода нет¹.

В эпоху классического Средневековья (XII–XIII вв.), в контексте развернувшегося процесса государственного строительства, острота династического вопроса, а следовательно, и значимость матримониальной политики во Франции не снизились, определяя модели заключения браков. Большим успехом Капетингов стала женитьба Людовика VII (1137–1180) на Адели Шампанской, из союза с которой родился Филипп II Август (1180–1223), а также брак последнего с Изабеллой де Эно. Обе женщины принадлежали к числу потомков Каролингов, и ребенок Филиппа и Изабеллы, будущий Людовик VIII нес в себе благородную кровь Каролингов уже по двум линиям [4, с. 78]. В ряду супругов Капетингов – такие знаковые для французского социополитического пространства фигуры, как герцогиня Аквитанская, наследная графиня Шампани и королева Наварры, племянница графа Фландрии и пр.

Что касается общего количества браков, то тут вырисовывается неоднозначная картина. У Людовика VI (1108–1137) была всего одна жена, тогда как у его сына Людовика VII – три. Следующий король, Филипп II, также женился трижды и, более того, стал двоеженцем, а у Людовика IX (1226–1270) и Филиппа IV (1285–1314) было по одной жене. Не всегда просто определить, являлся ли в том или ином случае повторный брак следствием давления внешних обстоятельств или индивидуального темперамента. Конечно, только от случайности зависело, что жены иногда умирали раньше мужей или в браке не рождались наследники. Хотя Людовик VI, имевший аскетическое воспитание, женился относительно поздно – в тридцать пять лет, у него выросло шесть сыновей, а у Людовика VII долгое время не было ни одного. Этому правителю пришлось развестись со своей первой женой, Элеонорой Аквитанской; и развод был продиктован не в последнюю очередь именно династическими причинами. Он произошел по инициативе

Элеоноры; король согласился из-за подозрений жены в адюльтере, но главное – вследствие отсутствия у них сыновей. Только третий брак принес королю наследника.

Однако, как и в предшествующий период, нередко возникали ситуации, когда правители делали самостоятельный выбор исходя из личностных предпочтений. Одним из самых крупных семейных скандалов в истории правления Капетингов стал случай двоеженства Филиппа II Августа, вызвавший крайне негативную реакцию Рима. Причиной произошедшего стала психосексуальная несовместимость Филиппа со второй женой. Не имея формального повода и не получив согласия Папы, король организовал развод силами французских епископов, заключив негодную жену в монастырь и вступив в новый брак [2, с. 269–270; 4, с. 74].

Нравы французских правителей в эту эпоху стали несколько свободнее; историкам известно два примера супружеского адюльтера. Согласно сохранившимся свидетельствам, любовницу имел Людовик VI; у него была внебрачная дочь, которую выдали замуж за рыцаря. Второй внебрачный ребенок имелся у Филиппа II, которого Ж. Ле Гофф вообще считает любителем женщин и «бонвиваном» [6, с. 534]. Но Людовик IX Святой всю жизнь оставался верен своей жене, строгостью нравов отличался и его внук Филипп IV. В целом ориентация на моногамный брак по-прежнему оставалась одной из важных установок поведения².

Однако в отношении нравственности женщин французской королевской семьи в этот период наблюдаются несколько иные тенденции. Речь идет о допущенных в сексуальной сфере формах поведения, которые резко противоречили укоренившимся христианским установлениям. Особенно широкую известность получили два ставших буквально хрестоматийными примера. Первый связан с уже упоминавшимся именем жены Людовика VII Элеоноры Аквитанской, чье излишне свободное поведение в крестовом походе, куда она отправилась вместе с мужем, стало одной из причин разрыва королевской пары. Объяснение поведения герцогини исследователи находят как в имеющихся у нее значительных символических капиталах (в понимании П. Бурдьё), так и в ее раскрепощенном южном воспитании, которое шло вразрез с царившим при королевском дворе полуаскетичным духом [2,

¹ В отличие от французских правительниц, «святая жизнь» была присуща, например, немецким императрицам рассматриваемой эпохи, целый ряд из которых был официально канонизирован Римом (что в немалой степени повлияло на их высокое общественно-политическое значение и статус). См. об этом, напр.: [5, с. 57–62].

² Аскетизмом отличался, несмотря на три жены, и Людовик VII. Такого рода установки были не совсем типичны для современников. (Например, известно, что у английского короля Генриха I (1106–1135) было несколько внебрачных детей от наложниц [2, с. 172]). Исходя из повторяемости примеров можно предположить, что причиной подобного поведения являлся не только индивидуальный темперамент отдельных правителей, но и общие традиции семейной социализации Капетингов.

с. 233]. Второй скандал относится к рубежу уже следующего периода и связан с невестками одного из последних Капетингов – Филиппа IV. Две из них отважились на прямую измену мужьям, а третья покрывала их. Ж. Дюби видит в поведении этих женщин сходные причины – зарождающуюся жажду наслаждений, возникновение диссонанса между суровостью нравов самого суверена и его окружения [2, с. 340].

С другой стороны, женщины-правительницы в период зрелого Средневековья стали более активно, чем в предшествующую эпоху, принимать участие в политической жизни страны. В силу сложившихся культурных традиций это участие приняло известную и ранее форму регентства королевы-матери, осуществляемого в случаях отсутствия по той или иной причине взрослого дееспособного правителя-мужчины. Например, во время крестового похода Филиппа II Августа его замещала совместно с архиепископом Реймса мать, Адель Шампанская. Особенно прославилась на этом поприще Бланка Кастильская, родительница Людовика IX Святого. Бланка столкнулась после смерти мужа с мятежом феодалов. Людовику было всего двенадцать лет, и ей пришлось самой восстановить порядок в стране. Несколько лет эта королева провела у власти как опекунша несовершеннолетнего сына и позднее оказывала влияние на уже взрослого короля. (В частности, она вторично стала регентшей, когда Людовик IX находился в своем первом крестовом походе.)

Образ Бланки Кастильской приобрел во Франции архетипический характер; Кристина Пизанская, например, ставит ее в один ряд с великими женщинами древности [7, с. 116]. При этом мать Людовика Святого в политике действовала, скорее, как мужчина, ее даже называли женщиной-«вираго» [6, с. 536]¹. (Характерно, что это качество – сходство модели поведения с мужской – будет присуще и деятельности знаменитых французских регентш раннего Нового времени, Луизы Савойской, не случайно получившей прозвище «короля Франции», и Екатерины Медичи – «черной вдовы».)

Нужно отметить, что достижение королевой-матерью столь значительного положения в средневековом государстве было связано как с самим укреплением власти династии, так и с крестоносным движением, потребовавшим личного участия правителей в военных мероприятиях далеко за преде-

лами страны². Свою роль сыграло вызванное влиянием рыцарских традиций общее возвышение женщин из среды элиты [9, с. 92, 96], а также личности самих женщин, бравших в свои руки бразды власти. Ж. Ле Гофф, например, пишет о прекрасном понимании Бланкой Кастильской механизмов политического управления [6, с. 540].

Наметились ли по сравнению с ранним Средневековьем серьезные изменения в религиозности французских королей? Если речь идет именно о модели «святого» поведения, которое потенциально могло подлежать канонизации римским престолом³, то в XII–XIII вв. таких фигур во французском политическом пространстве по-прежнему нет. Можно посмотреть этот сюжет на примере одного королевского семейства – Людовика IX Святого. Конечно, немалую роль в формировании особого благочестия Людовика сыграло воспитание матери, Бланки Кастильской. Однако она сама не только родила своему мужу двенадцать детей, но и во вдовстве предпочла преимущественно заниматься вопросами политического управления и вряд ли даже напоминает идеальную святую. Аналогично матерью пятнадцати детей стала жена Людовика Маргарита, которая, как и ее свекровь, пыталась (правда со значительно меньшим успехом) участвовать в политике [6, с. 552, 554]. Зато модели святой отвечает сестра Людовика IX Изабелла, которая отказалась от брака и, хотя и осталась без пострига, вела жизнь, близкую монашеской. Изабелла участвовала в программе основания монастырей и церковей, разработанной ее венценосным братом. Характерно, что во Франции в эту эпоху была предпринята попытка, окончившаяся неудачей, создать королевский культ святых принцесс [6, с. 211, 551]; но речь не шла о канонизации непосредственно жен или вдов правителей. Как представляется, здесь носителями святости в большей мере стали мужчины. Это видно особенно ярко на примере Людовика IX, который был официально признан святым и чья фигура стала знаковой для всех последующих поколений французских королей.

В эпоху позднего Средневековья (XIV–XV вв.) во Франции пришла к власти новая династия, Валуа. При том, что ее связывало близкое родство с прежним правящим домом, в гендерном плане произошел определенный разрыв. Если Капетингов отличало строгое воздержание и суровая на-

¹ Этим выражением (букв. «бой-баба») в Средние века обозначали женщину, отличавшуюся мужеподобностью поведения. См. об этом, напр.: [8, р. 13–14].

² На рубеже XV–XVI вв. аналогичную роль будут играть Итальянские войны, куда устремятся французские короли (и, в частности, сын Луизы Савойской, Франциск I, оставивший королевство на ее попечение).

³ Модель женской святости в среде средневековой элиты предполагала такие элементы, как основание и поддержку монастырей и аббатств; щедрые дарения и милостыню; удаление от мира во вдовстве или, реже, практикуемый в согласии с мужем целомудренный брак. См. об этом: [5, с. 57–62; 10, с. 292].

божность, то в XIV в. благочестивый пыл королей вместе с уходом в прошлое крестовых походов несколько угас. Наступило время развития образования, формирования связанной с поэтами и музыкантами придворной культуры, отличающейся и более свободными, чем прежде, нравами¹.

Начало эволюции стиля жизни королевского двора во Франции положило воцарение уже первого Валуа – Филиппа VI (1328–1350), который изначально не готовился к управлению страной и получил воспитание в более свободном княжеском духе, принеся его с собой [2, с. 348–349]. Дальнейшие трансформации связаны с политическими процессами, способствовавшими развитию ряда региональных придворных центров (Бургундии, Анжу, Берри и пр.)². Указанные дворы (особенно бургундский и анжуйский) отличались буквально избыточной пышностью [12, с. 354]. Поглощение короной этих анклавов в конце XV в. сопровождалось заимствованием их традиций и привело к изменению обстановки при королевском дворе, в частности, сказавшись на гендерных отношениях.

Собственно область матримониальных практик указанные процессы затронули незначительно. У представителей новой династии было по одной или две супруге³; и во всех семьях было достаточно детей, в том числе сыновей. Это благоприятствовало стабильности института королевской семьи, следствием чего стало отсутствие столь скандальных, как прежде, разводов. Зато серьезные трансформации произошли в не связанной с браком частной жизни правителей. После праведности, проявляемой представителями династии Капетингов вплоть до начала XIV столетия, в этой сфере стали формироваться иные нравы. Наиболее ярким событием такого плана стало «воцарение» рядом с Людовиком VII (1422–1461) официальной возлюбленной, положившее начало целой череде придворных фавориток раннего Нового времени.

Напротив, в области сексуальной свободы женщин из королевской семьи произошли изменения противоположного плана. Параллельно конституированию в пространстве двора предназначенной для удовольствия правителя женщины-придворной сузились границы допустимого для его супруги. В этом смысле поворотным стало правление жены Карла VI (1380–1422) Изабеллы Баварской. Изабелла вошла в историю Франции как «развратная пра-

вительница», королева-любовница. По убеждению современников, имея обширные политические амбиции, она вступила в связь с влиятельным родственником своего болезненного мужа.

Как отмечает О. И. Тогоева, на исходе Столетней войны актуализировались архетипы распутницы и девственницы, в которые и вписался образ Изабеллы как фигуры, которая вследствие своего поведения «погубила Францию» (молва обвинила именно ее в военных неудачах французов) [13, с. 56–59]. В указанную дихотомию вписались, с одной стороны, все сохранявшиеся в исторической памяти негативные образы женщин-правительниц (с именами которых были связаны те или иные скандалы), с другой – стереотипы идеализированного поведения находящейся у власти женщины. При этом резко отрицательное общественное отношение к имеющей баварские корни королеве предопределило не только ее собственную судьбу, но и общее исчезновение из культурных практик допущения вольного поведения женщины королевской семьи. Для правительницы была найдена специальная ниша в системе монархии, обязательным ресурсом бытования в которой стал символический капитал праведности.

В этой связи представляет интерес выдвинутая французским ученым Г. Шоссиан-Ногаре теория о закреплении на исходе Средневековья за фаворитками королей образов распутства и греховности, а за их супругами чистоты и невинности [14, с. 26–31], что становится условием служения последних интересам страны и народа. О. И. Тогоева также полагает, что в ходе укрепления французского государства приобрели немалое значение благочестие королевы и ее предполагаемый высокоморальный облик, превратившиеся в важнейшие символы короны [13, с. 56–58].

Как известно, в положении женщин, принадлежащих непосредственно к правящей элите, значительную роль сыграли разработка и принятие в позднее Средневековье закона о престолонаследии, запрещающего им замещать королевский трон во Франции (подробно об этом см.: [4, с. 71; 15, с. 249–251; 16, с. 29–31]). Но с утратой наследных и властных прав не произошла потеря женами правителей высокого статуса. Напротив, как считает французский историк Ф. Козандей, на исходе Средневековья королева была конституирована рядом с супругом,

¹ Как подчеркивает Р. Фавтье, куртуазная культура предшествующего периода (XII–XIII вв.) в большей степени была связана с княжескими дворами, чем с собственно королевским. См.: [4, с. 259–260].

² Речь идет об отделении Иоанном Добрым (1350–1354) Бургундии, а также сложностях правления Карла VI Безумного и последних этапов Столетней войны, вызвавших временную децентрализацию страны [11, с. 294; 2, с. 361–362].

³ Жанна Бургундская и Бланка Наваррская у Филиппа VI, Юдит Чешская и Бона Люксембургская у Иоанна Доброго, Жанна де Бурбон у Карла V, Изабо Баварская у Карла VI и Мария Анжуйская у Карла VII, Маргарита Шотландская и Шарлотта Савойская у Людовика XI. География обширная и свидетельствует о не менее широких связях и отношениях.

разделив с ним первенство и почет высокого ранга. Исследования этой ученой показали, что интеграция женской элиты в институт монархии на рубеже раннего Нового времени была закреплена комплексом специальных церемоний [16, с. 29, 34]. Однако и в XIV–XV вв. значение фигуры супруги правителя обозначалось различного рода дискурсами и символическими знаками. Например, М. А. Бойцов упоминает такую деталь: чести оставлять открытыми лица при выставлении напоказ тел покойных наравне с королями и высшими прелатами Франции удостоивались и королевы [17, с. 134].

Характерные тезисы, касающиеся общественного значения и политического статуса французской королевы, содержит, например, литературное обращение к Изабелле Баварской со стороны советницы свекра Изабеллы, Карла V (1364–1380), знаменитой Кристины Пизанской. По мнению писательницы, высокий статус определяет сам характер королевы: это величественная, почитаемая, благороднейшая, могущественная, суверенная фигура. Она является лекарством для королевства в тяжелые времена, матерью и утешительницей для подданных и народа. Она – вестница мира, последний источник сострадания, доброты, великодушия, милосердия. Исходя из заслуг достойная правительница помимо официальной церемонии подлечит второй коронации символического свойства – «честью» [7, с. 113–118]. Любопытно, что речь в данном случае идет не сколько о сексуальной, сколько о социальной женской чести.

Подведем итоги. На протяжении средних веков в среде правящей элиты во Франции сложились определенные установки, которые, на наш взгляд, легли в основу новоевропейского гендерного кода. Особенно хочется подчеркнуть несколько моментов.

Во-первых, уже в эпоху раннего Средневековья большое значение при заключении брака получило происхождение женщины, способствовавшее усилению статуса мужчины-правителя. Французские короли стремились выбирать жен из династий крупных земельных анклавов, отводя при этом немаловажное место знатности происхождения. В результате женщины из среды правящей элиты Франции часто располагали весьма обширными социальными капиталами. Играя важную роль в установлении политических связей, в трансляции земель и власти, в передаче «крови», они имели возможность достаточно активного участия в управлении страной не только в форме негласного влияния, «закулисных» интриг, но и в виде официального регентства, которое смогла осуществлять королева-мать. Произошло складывание архетипа королевы-регентши, близкой по своему духу и модели поведения мужчине-правителю. Институт женского регентства стал необходимым элементом

системы управления страной, обеспечивая как внешнеполитическую деятельность короны, так и реализацию традиций наследования власти по праву мужского первородства.

С другой стороны, следует отметить, что, в отличие от соседних регионов (в частности Германии), среди жен французских королей долгое время отсутствовали – при общей религиозности поведения – канонизированные святые, что в общем и целом снижало возможности общественно-политического влияния женщин. Однако указанный ресурс святости, имеющий властное измерение, во Франции был достаточно широко задействован самими мужчинами-правителями (наиболее ярким примером чего является фигура Людовика IX). Поэтому длительное время общей установкой поведения французских королей являлся аскетизм нравов, одним из проявлений которого стала не совсем типичная для их современников относительная редкость внебрачных связей.

В то же время среди французских правителей раннего и зрелого Средневековья достаточно частыми были повторные браки, в том числе и, несмотря на негативную реакцию церкви, при жизни прежних супругов. Помимо того, что династические интересы оказывались важнее благополучных отношений с папским Римом в ситуации отсутствия наследников, в целом ряде известных случаев разрыва правителями супружеских уз можно обнаружить причины индивидуально-психологического свойства. По мнению исследователей, в экстраординарных браках находило выход естественное «женолюбие». В период позднего Средневековья, в связи со стабилизацией самого института церковного брака, в придворной среде во Франции произошло изживание затрагивающих гендерную сферу аскетических установок, ознаменовавшееся появлением фигуры женщины-придворной, фаворитки правителя. При этом сам символический ресурс праведности причастных к власти лиц, на наш взгляд, сохранил свою актуальность, реализовавшись в фигуре женщины-правительницы.

Как представляется исходя из имеющегося в исторической литературе материала, на заре воцарения династии Капетингов не было необходимости в специальном контроле поведения окружавших правителя женщин (или, по крайней мере, такого рода случаи не закрепились в исторической памяти). В то же время на протяжении зрелого Средневековья представительницы королевской семьи оказались задействованы в целом ряде скандалов. На фоне формирования в эту эпоху светской культуры и наблюдавшегося в ее рамках повышения социального статуса знатной женщины именно одиозные поступки этих решившихся на самостоятельное поведение женщин выступили как альтернатива общим аскетическим тенденциям, царившим

при королевском дворе. Однако к исходу позднего Средневековья в рамках произошедшей эволюции политических форм и общественных структур такого рода поведение женщин стало невозможным. В ходе укрепления государства и королевской влас-

ти был конституирован особый статус королевы, на добродетелях которой возводился сам фундамент монархии. Данная установка легла в основу формирования нового типа французской королевы – правительницы эпохи Нового времени.

Список литературы

1. Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 313 с.
2. Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460 / пер. с фр. Г. А. Абрамова, В. А. Павлова. М.: Междунар. отношения, 2001. 416 с.
3. Лот Ф. Последние Каролинги / пер. с фр. Ю. Ю. Дягилевой. СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
4. Фавтье Р. Капетинги и Франция. Роль династии в создании государства / пер. с фр. Г. Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
5. Арнаутова Е. Ю. Женщина в «культуре мужчин»: брак, любовь, телесная красота глазами агиографов X века // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 1. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 46–89.
6. Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / пер. с фр. В. И. Матузовой. М.: Ладомир, 2001. 800 с.
7. Письмо Кристины Пизанской королеве Франции Изабелле Баварской // Гендерная история Западной Европы. Хрестоматия. Книга III. М.: ИВИ РАН, 2006. 346 с.
8. Pellegri N. L'androgynе au XVIe siècle: pour une relecture des savoirs // Femmes et pouvoirs sous l'Ancien Regime / sous la dir. de D. Haase-Dubosc, E. Viennot. P.; Marseille: Rivages, 1991. P. 11–35.
9. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. / пер. с фр. Е. Ю. Симакова // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1990. С. 90–96.
10. Бикеева Н. Ю. Гендерные аспекты репрезентации святых в Меровингской Галлии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 11. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 291–297.
11. Хейзинга Й. Политическое и военное значение рыцарских идей в позднем средневековье // Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова. М.: Прогресс-Традиция, 1997. С. 292–302.
12. Малинин Ю. П. Франция в эпоху позднего средневековья. Материалы научного наследия. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 452 с.
13. Тогоева О. И. Карл VII и Жанна д'Арк: утрата девственности как утрата власти // Поблекшее сияние власти: мат-лы круглого стола / отв. ред. М. А. Бойцов. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 52–83.
14. Шоссиан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей (от Анессы Сорель до Марии-Антуанетты) / пер. с фр. С. В. Архиповой. М.: Молодая гвардия, 2003. 249 с.
15. Цатурова С. К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. М.: Логос, 2002. 384 с.
16. Конзадей Ф. Анна Бретонская и монархические церемонии: репрезентация королевы Франции на рубеже XV–XVI веков / пер. и прим. А. В. Стоговой // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 3. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 29–42.
17. Бойцов М. А. «Индивидуальность» умершего государя. Репрезентация покойного правителя в позднесредневековых погребальных церемониях // В своем кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала Нового времени / под ред. М. А. Бойцова и О. Г. Эксле. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 129–190.

Зайцева Т. И., кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.
E-mail: kvi_TSPU@mail.ru

Материал поступил в редакцию 18.05.2010.

T. I. Zaytseva

FRENCH RULING ELITE AND GENDER IN THE MIDDLE AGES: TO THE ORIGIN OF THE GENDER CODE OF THE EARLY MODERN PERIOD

The article is devoted to the attempt of reconstruction of origins of gender behavior of the French ruling elite of the Early Modern period. On the grounds of the materials saved up in modern medievalism, the author points out a number of the significant moments connected with matrimonial praxis in the elite's sphere, the social status of gender and their resources of power, behavior of the rulers and their environments in private sphere.

Key words: *modern medievalism, France in the Middle Ages, ruling elite, gender attitudes, symbolical «capitals», behavioral installations.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk region, Russia, 634061.